

Пушкинъ и Достоевскій.

12-го ноября исполнилось 106 лѣтъ со дня рожденія Ф. М. Достоевскаго.

Въ русской литературѣ нѣтъ двухъ писателей, во всѣхъ своихъ свойствахъ болѣе несхожихъ, болѣе противоположныхъ другъ другу, чѣмъ Пушкинъ и Достоевскій. Одинъ — сверкающій, мягоканный, легко перевоплощающійся, откликаясь на всѣ движенія человѣческой души, легкой и граціозный, увлекающійся и увлеченный своей поэтической мечтой и затѣвъ оныхъ такой простой, такой непосредственной. Другой — вѣчно мятущійся, болѣзненно напряженный, мелочливый и тяжеловѣсный, далекий отъ всякаго стремленія къ вѣщей округленности и законченности, цѣлкомъ ушедшій въ свой внутренній миръ, въ сокровенныя глубины человѣческой природы, начинающій свою творческую работу тамъ, гдѣ другіе ее кончаютъ,лагождающій драматическія столкновения одно на другое и превращающій фабулу своихъ произведеній въ спутанный клубокъ трагическихъ катастрофъ...

Казалось бы, что у Достоевскаго трудно искать пониманія Пушкина. Между тѣмъ никто изъ насъ, какъ Достоевскій, не знаетъ Пушкина такъ, какъ никто до него.

Именно Достоевскій нашелъ на знаменитомъ чествованіи памяти Пушкина въ 1880-г. огненные слова для освѣщенія и оцѣнки значенія великаго поэта во всей культурной жизни Россіи, слова, которыя нашли восторженный откликъ у всѣхъ и на минуту даже примирили

враждовавшихъ между собой западниковъ и славянофиловъ. Это было кажется единственныи разъ въ жизни Достоевскаго, когда замолкал его противникъ, когда всѣ признали, что онъ сказалъ именно то, что было на душѣ у всѣхъ, но чего никто не могъ выразить...

Достоевскій указалъ въ своей знаменитой пушкинской рѣчи, что Пушкинъ великъ своей универсальностью, своей чудесной способностью перевоплощаться въ духъ чужихъ народовъ. Въ этой связи особенно онъ увидѣлъ наиболее яркія выраженія въ русской національной силѣ и вместе съ тѣмъ, я говорю его собственными словами, — «явленіе пророческое».

Самъ Достоевскій пошелъ иными путями. Онъ былъ писателемъ, лишь очень рѣдко бравшимся за нерусскіе мотивы, и касался всегда иностраннаго лишь мимоходомъ и притомъ всегда съ чисто русской точки зрѣнія. Тѣмъ болѣе поразительно, что онъ сумѣлъ такъ высоко оцѣнить универсальность Пушкинскаго гения.

Съ тѣхъ поръ прошло почти полвѣка. Универсальность Пушкина, о которой говорилъ Достоевскій, смирившись въ промѣжуткѣ времени совсѣмъ иной универсальностью русской литературы. Въ 80-тыхъ годахъ русскіе писатели за пределами Россіи были еще мало известны. Но въ послѣдующія десятилѣтія русская литература обошла весь міръ. Этому

пособствовало шестію ея не помѣшало то, что преемники Пушкина въ огромномъ большинствѣ случаевъ его универсальностью не обладали. Наоборотъ, наибольшее распространеніе получили какъ разъ тѣ русскіе писатели художники, которые были болѣе всего русскими, которые черпали всего глубже въ русскую душѣ. И среди нихъ прежде всего самъ Достоевскій. Онъ захватилъ чело-вѣчество благодаря тому, что сумѣлъ обнаружить въ русской душѣ общечеловѣческую золотосныя жилы, благодаря тому, что обогатилъ мировое художественное творчество произведеніями, при всѣхъ своихъ внѣшнихъ недостаткахъ немнѣющимися себѣ равныхъ по силѣ и глубинѣ.

Пушкинъ несмотря на свою универсальность, остался по преимуществу русскимъ писателемъ. За границей его знаютъ сравнительно немногіе. Правда, произведенія его переведены на много языковъ, но ихъ знаютъ лишь любители литературы. Художественные образы Пушкина стали известны за границей широкимъ кругамъ, главнымъ образомъ, благодаря операмъ Чайковскаго и Муссоргскаго. Между тѣмъ о Достоевскомъ можно сказать, что его произведенія сдѣлались достояніемъ всего чело-вѣчества. Литература о немъ огромна, и большинство появившихся о Достоевскомъ работъ трактуютъ не русскія особенности героевъ Достоевскаго, а поднятые имъ жуткіе и трудные общечеловѣческіе вопросы. Ни одинъ писатель-художникъ не изводилъ такъ совсѣтъ современнаго чело-вѣчества, какъ Достоевскій. Ни одинъ не поставилъ столько мучительныхъ вопросовъ. Единственнымъ художникомъ, которому удалось захватить не менѣе широкій кругъ читателей, былъ Толстой,

но произведенія Толстого во принимались проще и непосредственнѣе и не вторгались такъ глубоко во всю современную культурную жизнь.

Въ творчествѣ Достоевскаго есть одна особенность: онъ — художникъ бѣдно, сти, надрыва, преступления, пороковъ и извращеній. Его произведенія полны уродливыхъ нестерпимо мучительныхъ фигуръ. «Жестокій талантъ» сказалъ о немъ Михайловскій, и эти слова надолго остались въ отвѣдахъ о Достоевскомъ. Но, живописуя ужасы жизни и раскрывая ужасныя бездны чело-вѣческой души, Достоевскій въ то же время неустанно думалъ о красотѣ и душевномъ величій. Въ своемъ «Идиотѣ» онъ задался мыслію изобразить прекраснаго чело-вѣка. Такимъ воплощеніемъ красоты Достоевскому представлялся герой романа князь Мышкинъ. Пусть онъ безмогущъ, пусть онъ кажется неумнымъ, глупенькимъ «идиотомъ», но онъ одаренъ особымъ талантомъ душевной красоты и вѣрно слѣдуетъ своему инстинкту. Достоевскому не удалось, однако, превратить свой романъ въ творчество душевной красоты. Его герой гибнетъ въ борьбѣ съ ужасами жизни, и эта гибель не случайна, а совершенно неизбежна. Красота не царитъ надъ миромъ. Она чаруетъ и увлекаетъ, но увлеченные ею близки къ грани смерти, какъ мотыльки, слетающія на огонь.

Достоевскій глубоко переживалъ свое художественное творчество. Оно было для него всегда выраженіемъ идеи, которая мучила его въ данное время. Поэтому было вполне естественно, что на вопросъ о силѣ красоты Достоевскій не остановился, а по окончаніи «Идиота» сейчасъ же перешелъ къ новому еще болѣе глубокому, такъ сказать, основному

вопросу о красотѣ духа, о святости и доблести.

Въ тѣ годы Достоевскій жилъ за границей. Онъ усиленно работалъ надъ «Бѣсами». Но въ то же время у него созрѣлъ планъ написать произведеніе совершенно новаго рода, какого еще не знала русская литература. По внѣшности этотъ романъ долженъ былъ походить на «Войну и Миръ» Толстого. Достоевскій хотѣлъ отказаться отъ своей обычной формы возмужденныхъ объясненій и драматическихъ сценъ и перейти къ безстрастному «духому» повѣствованію, образцомъ котораго онъ считалъ «Войну и Миръ». Чтобы лучше проникнуться духомъ новой для него формы, Достоевскій попросилъ даже прислать ему изъ Россіи романъ Толстого.

Для задуманнаго романа было готово и названіе. Сначала Достоевскій хотѣлъ назвать его «Атеизмъ», но потомъ выбралъ гораздо болѣе яркое: «Жизні великаго грѣшника». И это второе названіе, дѣйствительно, изумительно точно выражаетъ основную идею романа.

Герой романа — великій грѣшникъ. Онъ совершаетъ цѣлый рядъ тяжчайшихъ преступленій вплоть до убійствъ и свирѣпствъ. Но это чело-вѣкъ могучей воли. Его преступленія плодъ избытка силъ. И когда онъ убѣждается въ этомъ, онъ приноситъ всенародное покаяніе и своими муками искупаетъ свою вину. Такимъ образомъ описаніе его жизни превращается въ «жизні», — слово, привычное обыкновенно къ описанію жизни святыхъ.

Когда Достоевскій составлялъ этотъ планъ, ему казалось, что онъ нашелъ наконецъ разрѣшеніе мучившихъ его вопросовъ. Онъ вѣрилъ, что это будетъ

лучшее и, может быть, последнее проявление его жизни. Впервые ему стало до очевидности ясно, что подвиг от преступления можно отличить только тогда, когда дасть свое решение народ в его целом. Единение с народом — высшее достижение героя, единение не внешнее, а исчерпывающее, проникающее в самую глубину народной души. Высший подвиг — не воздержание от запретного, а преодоление его своими собственными силами и с помощью народного соборного решения. Для Достоевского было несомненным, что носителем самой глубокой и подлинной истины является русский народ.

Достоевский не осуществил своего плана. Задуманный им роман не был написан. Но отдельные главы его вошли в другие произведения, преимущественно в „Подстрек“ и „Братень Карамазовых“. Первоначальная идея подверглась при этом значительным изменениям, но осталось много подробностей от невыполненного плана, иногда оставлены даже имена. Сравнивая первоначальный замысел с этими произведениями, мы убеждаемся, что идея, овладевшая Достоевским в Дрездене, осталась для него путеводной звездой, от которой он уже не отступал на своем дальнейшем пути. С течением времени возникли новые вопросы, раскрылись новые горизонты. Но сопоставление подвига с преступлением осталось главной художественной задачей Достоевского, и образ героя подвижника, мелькнувший перед ним в смутных очертаниях, продолжал владеть воображением писателя.

Пушкин был безконечно далек

от идеала Достоевского, но это не мешало Достоевскому установить тесную связь между универсальным творчеством Пушкина и той работой, которой он посвящал всего себя. Не даром он называл Пушкина „явлением пророческим“. Ему было ясно, что углубление национальных идеалов, создание подлинной красоты, общенародное творчество возможно только тогда, когда в национальную форму облекаются общечеловеческие начала. Когда эти начала находят себя в том или ином народе наиболее яркое, наиболее законченное выражение.

В этом тайна мировой культурной жизни, жизни, — которой, каждый по своему, — одиноково служили и Пушкин и Достоевский и Толстой. П. Ш.

Эстонская печать.

Передовая статья газеты „Päevaleht“ посвящена вопросу о сохранении правительственной коалиции.

Коалиция, получившая от большинства народного представительства выражение доверия, теперь необходимо принять во внимание что некоторые урочки оппозиции были не совсем бесосновательными. Коалиция в своей внутренней деятельности, главным образом, в области законодательства, должна быть более дружной, чьм это было до сих пор. В первую очередь правительство должно иметь более тесный контакт со своими партиями, чтобы в них не было шатаний при обсуждении отдельных законов. Давно говорили о коалиционном совете, но до настоящего времени это оставалось только пожеланием.

13 ноября в кинотеатр „Rekord“ (бывший „PASSASH“) состоится

Литературно-вокальный утренникъ

Участвуют: г-жа Е. Мангро, Пооль, Прокофьев (пение), художествен, чтение г-жи „А.“, г. М. Прокофьев (сопо на гобой) и писат. А. Сидельгаст прочт. рассказы из жизни в СССР (на русск языкѣ).

Билеты: 25 и 50 м. в кассѣ кинотеатра „Rekord“. Начало в 11 час. утра.

Передовая статья газеты „Waba Maa“ также касается вопроса доверия о правительству. Газета отмѣчает двойную игру народной партии.

„Почти вся страна была взволнована запросом социалистов о деятельности министра земледѣлія О. Кестера. Много было протестов противъ него... А что же дѣлаетъ Гос. Собрание? Оно просто забыло всѣ сдѣланныя заявления и выразило доверіе праву съезду. Особенно странную роль в этом играла народная партия, до настоящаго времени она выступала противъ „дѣлочки“ и теперь вдруг заявила, что точка зрѣнія Кестера является и точкой зрѣнія народной партии... Недавно в Гос. Собрании было сказано, что народная партия ведетъ „двойную бухгалтерію“ — это, несомнѣнно, такъ.“